

Раши Крупник

**СОБАКИ
И
ОЛИГАРХИ**

Москва
2019

УДК 721.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К84

Крупник, Рами.
К84 Собаки и олигархи / Рами Крупник. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-099171-6

Вы, конечно, думаете, что адвокат честным трудом может сколотить огромное состояние, если он умный, образованный и к тому же еврей? Что достаточно всего лишь выбрать правильную страну для занятия юриспруденцией — Израиль? Что нужно научиться никому не верить и получать гонорары только авансом?

Ну, это совсем уж сказки. Когда волосатый сутенер снимает с вас часы за долги вашего общего клиента — не сопротивляйтесь. Когда министр считает, что формальности не для него, — разубедите, и благодарность его будет безгранична. Вязались ли вы в историю с собачьим приютом или в дела олигарха, требуете ли компенсацию за помятую физиономию или за поврежденный детородный орган — будьте оптимистами! Даже если с радостью проиграете процесс.

Десятки судебных и сотни эпизодов из адвокатской практики и жизни, которые заставляют смеяться, плакать, сопереживать участникам криминальных и олигархических разборок, взлетам и падениям международных аферистов и государственных мужей.

УДК 721.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Рами Крупник, 2018
© Издание, оформление.
ISBN 978-5-04-099171-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Тетя Сара

Двоюродный брат мамы, дядя Изя, уехал в Израиль первопроходцем, в ранние семидесятые, еще до моего рождения. В конце восьмидесятых дядя Изя дважды приезжал в гости на родину. Обыкновенная, не обетованная родина дяди Изи была в Советской Молдавии, нынешней Молдове, и так получилось, что когда из страны сионистского апартеида, страны, из которой до него никто не возвращался, он приехал в Рыбницу, наша семья как раз пряталась там у родственников от разразившейся в Черновцах алопеции.

Дядю Изю ждали, его с удовольствием принимали все родственники и знакомые — маленький плешивый человечек с пузиком, корявым русским языком и с тем самым анекдотическим акцентом — как позже оказалось, он владел полумагазином по-

лускладом на рынке Беэр Шевы — был событием лета в Молдавии и очень скоро прослыл докой по всем вопросам, связанным с эмиграцией в Израиль. Все хотели до него дотронуться, смотрели на него как на чудо и задавали ему бесконечные вопросы.

В Молдавию дядя Изя приехал посетить родственников и заодно починить и вставить задешево зубы. Помню, каким он приехал в Рыбницу впервые — чуть ли не с дырявым ртом. Уезжал дядя Изя с полным ртом советского золота высшей пробы, то ли для собственного употребления, то ли для дальнейшей перепродажи.

В свободное от посещений зубного врача время дядя Изя любил порассуждать о ходовых товарах, которые стоило везти в Израиль на продажу (вывоз валюты из СССР был строго ограничен). Помню, как он особенно напирал на марлевые бинты, вату, палатки и резиновые лодки — по его словам, эти товары были особенно востребованы, и их легко можно было сбыть в его магазинчике на рынке, получив немалую прибыль.

Про дядю Изю говорили, что он богат, и, то ли с осуждением, то ли с завистью в голосе, добавляли, что в свои шестьдесят с лишним он женат на молодой женщине, чуть не на двадцать лет младше его. К слову, свою жену Сару дядя Изя в СССР не привозил — пока он вставлял зубы, Сара оставалась за главную в их магазинчике.

Вспоминая сегодня те приезды дяди Изи в СССР, начинаю осознавать, насколько скромно и скудно мы жили тогда. Дядя Изя — с утра и до позднего вечера сидевший у своего магазинчика-склада в вонючем закоулке беершевского рынка, с трудом говоривший на ломаном иврите — казался в совдепии конца восьмидесятых достойнейшим человеком и чуть ли не ходячей достопримечательностью.

Еще помню, что во второй свой приезд дядя Изя подарил мне особенный брелок для ключей — брелок, который отзывался мелодией на свист. Подобного брелока ни у кого в нашей школе не было, и невиданное чудо сразу стало хитом у моих одноклассников и, что особенно радовало, у одноклассниц. На неделю брелок превратил меня из никому не нужного ботана чуть ли не в самого популярного ученика в классе. До сих пор вспоминаю, как со страхом — а ну как испортят? — я передавал его в руки одноклассниц, и их губы касались брелока в легком свисте, чтобы вызвать — о чудо западной техники! — тихую мелодию. Приходя домой, я украдкой целовал брелок в том месте, где его касались недосыгаемые губы одной из одноклассниц. Я уже начал привыкать к неожиданно свалившейся на меня популярности, но эпопея с брелоком закончилась уже через несколько дней, когда он своей мелодией нарушил монотонное течение урока. Рассвирепевшая завуч, которая вела урок, выхватила брелок из рук моей

одноклассницы своими медвежьими лапищами родовитой шпалоукладчицы и бросила его в ящик своего стола. Поврежденный брелок мне отдали лишь через несколько дней, и он уже никогда больше не реагировал на свист.

Год спустя после второго визита дяди Изи в СССР мои родители репатриировались в Израиль и волей судьбы оказались в той же Беэр Шеве. Через несколько дней после приезда мы отправились на рынок к дяде Изе, прихватив с собой вещмешок с брезентовой палаткой и сумку с рулонами марли. Дядя Изя отсчитал нам за них несколько десятков долларов, жалуясь на тяжелые времена и безденежье. В подтверждение своих родственных чувств дядя Изя подвел меня к магазину напротив, где купил мне у бедуина за двадцать шекелей кроссовки — белые, с двумя полосками и с подозрительной надписью «Адидос». Тогда же Изя познакомил нас со своей женой Сарой — дородной женщиной. Она была выше его на целую голову, у нее были необъятные бедра и грудь, а ее слоновьи ноги заставляли ее все больше сидеть на табуретке у входа в магазин. Рот Сары блестел золотыми зубами — я невольно задался вопросом, не перекечевали ли к ней зубы из Изинога рта, — а плоское лицо украшал массивный характерный нос. Этим визитом общение моих родителей с ним и Сарой ограничилось: домашние визиты они друг другу не наносили. Очень скоро родители запо-

дозрили Изю в том, что он обсчитал их и заплатил чуть ли не пятую часть той цены, за которую позже сбыл полученный от них товар, и совсем прекратили с ним общаться, ограничиваясь лишь сухими кивками головы, когда проходили мимо его магазинчика на рынке.

Спустя годы я переехал в Хайфу и выучился на адвоката. Дядя Изя скончался в возрасте восьмидесяти лет, и мама попросила меня сопровождать ее на Изины похороны — папа так и не простил Изе аферу с нашей марлей и идти на кладбище наотрез отказался. На Изиных похоронах было совсем мало людей — лишь малочисленные родственники и соседи. У Изи с Сарой не было общих детей, и Сара пришла на кладбище с сыновьями от прошлого брака. Мы уже хотели уходить, когда Сара обратилась ко мне и спросила, правильно ли она слышала, что я стал адвокатом. Я подтвердил, и она попросила меня зайти к ней домой на следующий день, до возвращения в Хайфу. Нехотя, игнорируя чувствительные мамины тычки локтем в бок, я согласился.

На следующий день я пришел в захламленную квартирку Сары и покойного Изи. В гостиной сидели какие-то люди — видимо, знакомые и соседи. Мне предложили выпить воды, но, увидев залапанный руками пластиковый стакан, я побрезговал и отказался. Минут через десять Сара поманила меня с порога смежной комнаты, и я прошел в их спальню.

Дышать там было практически нечем. Сара плотно прикрыла за мной дверь в гостиную и подошла к угловому шкафу. Недоумевая, чего она от меня хочет, я наблюдал, как она разгребает какие-то тряпки и вытаскивает средних размеров чемодан. К моему удивлению, чемодан был полон сложенных в аккуратные пачки стодолларовых купюр.

«Здесь двести пятьдесят тысяч долларов, он копил их всю свою жизнь, во всем себе и мне отказывал, — сказала Сара. — Я не знаю, как мне правильно поступить с этими деньгами. Ведь их нельзя положить в банк, может, ты подумаешь и что-нибудь мне посоветуешь». После недолгого молчания, придя в себя — я никогда раньше не видел столько денег наличными, — я сказал Саре, что не имею понятия, как ей правильно поступить, но если что-то попадется, буду иметь в виду. На том и порешили, и я не видел Сару еще несколько лет.

Про доллары Сары я вспомнил лишь тогда, когда мой клиент — российский олигарх — позвонил и спросил, могу ли я организовать ему в Израиле сто пятьдесят тысяч долларов наличными. Доллары нужны были олигарху вечером того же дня, он сказал, что готов оплатить разумные проценты, и я ответил, что подумаю. Не успел я повесить трубку, как вспомнил про Сарин чемоданчик.

Оказать помощь олигарху без какой-либо выгоды для себя было для меня делом престижа — мне

было чрезвычайно важно выглядеть в его глазах человеком, который «решает вопросы», и укрепить свои позиции в его окружении. Недолго думая, взвесив все «за» и ни одного «против», я решил найти Сару и убедить ее в целесообразности такого займа.

Отыскать Сарин номер телефона после стольких лет было непросто. Я озадачил маму, причем минут десять отбивался от вопросов, с какой стати он мне понадобился. У мамы номера телефона Сары не оказалось, и она узнала его у другой нашей родственницы, которая, в свою очередь, тоже долго допытывалась, зачем понадобился маме Сарин телефон.

Сара была дома и сразу ответила на телефонный звонок. С минуту она не могла вспомнить, кто я такой, и узнала меня, только когда я напомнил ей про доллары — видимо, посвященных в тайну было раз, два и обчелся. Обещание разумного процента Сару очень заинтересовало. Она сказала, что готова одолжить деньги под мои личные гарантии и под три процента в месяц. Переговорив с Сарой, я позвонил олигарху, рассказал о ее требованиях и только после этого осознал, что добровольно лезу в постель больного: олигарх с возмущением сказал, что три процента в месяц это суший грабеж, что он готов платить не более двух. И добавил, что он платит мне зарплату и я не должен на нем зарабатывать. Я стал объяснять, что не зарабатываю на этом ни копейки

и что если он так думает, то лучше мне совсем в это не лезть, но он уже бросил трубку.

Сара, со своей стороны, долго сетовала на риски и на то, что под такие проценты деньги никто не дает. Я слушал ее и не спрашивал, откуда ей известны ходовые рыночные процентные ставки. Только когда я сказал, что не надо, давайте все отменим и уже хотел нажать отбой, — собираясь спокойно вздохнуть, мол, не получилось, но не по моей вине, — Сара согласилась уменьшить процент до двух с половиной. С этим предложением, в точности как тот рыбак, шедший к рыбке с поручением от старухи, я перезвонил олигарху, но тот был занят и трубку взять не соизволил. Не имея доступа к телу, я передал предложение его водителю в надежде, что олигарх откажется брать деньги. К моему удивлению, через десять минут водитель олигарха перезвонил мне и спросил, когда я смогу подвезти деньги в Герцелию.

Еще через десять минут я уже мчался со скоростью сто двадцать километров в час в Беэр Шеву. Сара встретила меня на пороге своей квартиры — она сильно похудела и, несмотря на годы, выглядела намного свежее той женщины, которую я когда-то встретил у магазинчика дяди Изи. Мы снова прошли в заветную спальню, Сара снова плотно прикрыла дверь, хотя в квартире, кроме нас, никого не было, открыла тот самый шкаф, повыбрасывала на кровать

всяческое барахло и вытащила чемоданчик. При беглом, не профессиональном на тот момент взгляде на содержимое мне показалось, что количество денег в чемоданчике уменьшилось. Сара отделила несколько пачек долларов и указала мне на остальное, мол, вот твои сто пятьдесят тысяч. Перед тем как упаковать деньги в мою сумку, Сара потребовала, чтобы я подписал бумажку, где смешным корявым русским, прописными буквами было написано, что я такой-то, удостоверение личности такое-то, обязуюсь вернуть Саре такой-то сто пятьдесят тысяч долларов плюс два с половиной процента в месяц. Срок возврата Сара в бумажку не вписала — платите проценты и пользуйтесь деньгами, сколько понадобится.

Через два с половиной часа, преодолев все пробки, я вручил олигарху пакет с деньгами, чем заслужил сухое пожатие руки и «спасибо». Просить олигарха подписать долговое обязательство я не стал — с такими людьми не до долговых обязательств и довольствуешься честным словом (на тот момент я не знал еще, что честное слово олигарх трактует потом в собственных интересах). В тот вечер, уходя из дома олигарха с чувством удовлетворения и собственного достоинства, я не понимал еще, в какую переделку вляпался со своим идиотским желанием показать, что все могу.

Проблемы начались через две с небольшим недели, когда олигарх вернулся в Москву...

Мне позвонил московский финансовый помощник олигарха, которому тот поручил вернуть Сарины деньги. Помощника чуть кондрашка не хватила, когда я сказал ему, что деньги взяты под два с половиной процента в месяц. Он отключился, потом перезвонил, сказал, что обсудил вопрос с олигархом, что тот очень возмущен и согласен платить два процента и не больше. И только когда я потребовал переговорить с олигархом напрямую, он перезвонил и сказал, что отдаст два с половиной процента, добавив: «Давай, приезжай в Москву и забирай».

Когда я ответил, что деньги брали в Израиле и отдавать их надо в Израиле, а помощник олигарха перешел на мат, мне пришлось снова просить его соединить меня напрямую с олигархом. Отдавая деньги и принимая на себя обязательства перед Сарой, я не подумал, что возможности вернуть деньги в Израиле может не представиться — ведь Сара дала деньги наличными, а вариант банковского перевода был исключен. Можно, конечно, было бы передать людям наличные в Москве, чтобы их вернули Саре в Израиле, но цена вопроса составляла чуть ли не четыре процента в добавок к Сариным, так что желание немедленно отдать деньги у помощника олигарха временно отпало.

Саре про мои переговоры с Москвой и тревожные новости я ничего не рассказывал. Сказал только, что олигарх ищет способ перевести ей деньги в Израиль, на

что она ответила, мол, пока проценты тикают, срок возврата ее не волнует. Через месяц с небольшим помощник олигарха сообщил мне, что оказию нашли и деньги отдадут в Израиле через три недели, о чем я поспешил уведомить Сару. Сара была отнюдь не рада предстоящему возврату денег. Через день она позвонила мне, посетовала, что все эти годы она из-за денег боялась выйти надолго из дому, и спросила, смогу ли я открыть ей счет в швейцарском банке и перевести положенные деньги туда.

Сара пообещала оплатить мне гонорар и все расходы, связанные с открытием счета и перелетами. По поводу размера гонорара мы долго торговались, но, понимая свою ответственность в случае невозврата денег, я пошел на серьезные уступки и снизил стоимость своих услуг до постыдной. Помощник олигарха, тоже правильной национальности, был, со своей стороны, рад отсрочить возврат денег, сэкономив на дополнительной комиссии при передаче их в Израиль, — но только предварительно убедился, что Сара не будет претендовать на получение процентов за отсроченный период.

Я начал искать швейцарский банк, который согласится открыть счет для ста пятидесяти тысяч долларов с копейками — уже тогда мне было известно, что уважающие себя солидные швейцарские банки даже не разговаривают с клиентом, у которого меньше полумиллиона. Сара тем временем обратилась